

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-66-72

И. Р. Метшин

Мэрия города Казани,
Казань, Российская Федерация,
gorduma.kazan@tatar.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ КОЧЕВЫХ И ОСЕДЛЫХ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКОВ И БУРЯТ)

Аннотация. В статье выявляются формы и методы, использованные правительством Российской империи при интеграции калмыцкого и бурятского народов. Показана роль правовых актов, устанавливавших особенности системы управления у «восточных инородцев». Подчеркивается, что одной из главных задач было взимание налогов и податей с кочевых и оседлых народов, включаемых в состав империи. Выявлены особенности политики властей империи по совершенствованию системы управления народами, проживавшими в восточной части государства. Такая политика способствовала успешному развитию вошедших в состав России народов, а также была направлена на укрепление государственного единства.

Ключевые слова: государственное единство; калмыцкий народ; бурятский народ; Российская империя; местное управление.

UDC 340.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2026-262-66-72

I. R. Metshin

The City Hall of Kazan,
Kazan, Russian Federation,
gorduma.kazan@tatar.ru

FEATURES OF THE LEGAL INTEGRATION OF NOMADIC AND SETTLED EASTERN PEOPLES INTO THE RUSSIAN EMPIRE (USING THE EXAMPLE OF KALMYKS AND BURYATS)

Abstract. The article identifies the forms and methods used by the government of the Russian Empire in the integration of the Kalmyk and Buryat peoples. The role of legal acts that established the features of the management system of the “eastern foreigners” is shown. It is emphasized that one of the main tasks was to collect taxes and taxes from nomadic and settled peoples included in the empire. The peculiarities of the policy of the imperial authorities to improve the system of governance of the peoples living in the eastern part of the state

are revealed. Such a policy contributed to the successful development of the peoples that became part of Russia, and was also aimed at strengthening state unity.

Keywords: state unity; Kalmyk people; Buryat people; Russian Empire; local government.

Введение

В условиях диалектического взаимодействия процессов глобализации и регионализации в современном мире, а также активизации деструктивных тенденций, направленных на разрушение сложившихся национальных государств, важнейшее значение приобретают вопросы государственного единства. Его укрепление с помощью права предполагает обращение к историческим урокам, к тому историко-правовому опыту, который был накоплен в эпоху Российской империи. Расширяясь, империя включала в свой состав все новые народы, и перед ней стояла задача интегрировать их в единое правовое пространство, организовать на новых территориях эффективную систему управления [10]. Этот уникальный опыт может быть в некоторой степени использован и в современном многонациональном российском государстве, а для этого требуется его тщательное научное осмысление. Особый интерес представляют формы и методы правовой интеграции оседлых и кочевых народов, населявших восточные регионы страны и отличавшихся разнообразием быта и обычаев.

Методы исследования

В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Исследование законодательных актов Российской империи проводилось с применением формально-юридического метода. Обращение к прошлым эпохам определило необходимость использования историко-правового метода.

Основное исследование

Интеграция народов, проживавших на востоке Российской империи и не имевших длительного опыта развития собственной государственности, отличалась определенной спецификой по сравнению с населением центра и западных окраин. Несмотря на единый термин «восточные инородцы», введенный в законодательство по инициативе М. М. Сперанского, эти народы отличало разнообразие в образе жизни, способах ведения хозяйства и обычаях. Задачей государства, неразрывно связанной с проблемой укрепления единства страны, стало обеспечение интеграции этих народов в единое политико-правовое пространство.

Примером политики интеграции, выбора соответствующих форм и средств применительно к кочевым и полукочевым народам может служить ситуация

с калмыками. Их правовой статус в период Российской империи можно интерпретировать в категориях общего и особенного. С одной стороны, он определялся теми нормами, которые устанавливало законодательство применительно к восточным инородцам. С другой стороны, по мере перехода к оседлости и укоренения в составе государства калмыки получили ряд прав и привилегий [1]. Это связано с общей направленностью политики государства, которое было заинтересовано в переходе кочевого населения к оседлому образу жизни. Кроме того, поощрялся и переход нехристианских народов в православие, что было вызвано официальным статусом Русской православной церкви в Российской империи. Такая политика нашла отражение в Уставе об управлении инородцев (1822 г.)¹. Данный правовой акт ограничивал передвижение кочевых народов по территории государства, обязав получать специальное разрешение в случае длительных отлучек; сохранял возможность исповедовать собственную религию; предусматривал свободный переход инородцев в разряд оседлых. Важным моментом следует считать разрешение инородцам получать образование. Они могли отдавать детей в государственные школы и создавать собственные учебные заведения с разрешения губернатора [2]. Создание школ, как и легальных молитвенных домов, можно считать одной из форм контроля государства за этими народами, так как такой контроль легче было осуществлять за легальными, чем скрытыми формами от властей.

Особенности статуса калмыков, которые активно переходили от кочевого к оседлому образу жизни, первоначально регулировались Уставом об управлении инородцев, с 1825 г. — Правилами для управления калмыцкого народа². Принятие этих правил исследователи характеризуют как «очередной этап заключительного периода включения калмыков в общероссийскую политико-административную систему, охватывающего последнюю четверть XVIII в. и первую половину XIX в.» [8, с. 76]. Согласно правилам, территория Калмыкии была отнесена не к губерниям, а объявлена областью в составе Астраханской губернии. В качестве окружного органа управления было создано Главное зарго как апелляционный суд по отношению к улусным судам. На уровне улусов рассматривались дела бытового характера и мелкие уголовные дела. В каждом улусе вводились частные или улусные приставы, которые не должны были вмешиваться во внутреннее управление калмыков, занимаясь сбором сведений для главного пристава о жизни в улусах.

В Правилах имелся определенный пробел — они не отражали факт существования аймачного управления как нижнего звена системы управления у калмыков³. Следствием этого, по мнению К. Н. Максимова, стало бесправие простого калмыцкого народа, исключенного из системы самоуправления, в ряде

¹ Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). 22 июля 1822 г. № 29126. Собр. 1. Т. XXXVIII. С. 397.

² Правила для управления калмыцкого народа // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVI. № 20037.

³ Аймак — родоплеменное, позже административное образование у ряда тюркских народов, в том числе калмыков.

случае лишенного правосубъектности [7, с. 171–172]. Учитывая сословный характер Российского государства того времени, сложившуюся в обществе ситуацию, а также сохранение традиционной системы взаимоотношений у калмыков, требовать от властей наделения всеми демократическими правами нижних слоев калмыцкого общества не представлялось возможным, это противоречило бы всем принципам организации жизнедеятельности социума в эпоху империи.

С 1834 г. Калмыкия управлялась на основе нового нормативного правового акта — специального Положения об управлении калмыцким народом⁴. Новый акт был призван улучшить управление калмыками, пресечь развитие возможных коррупционных связей с местными чиновниками.

В 1847 г. была принята новая редакция Положения об управлении калмыцким народом⁵. Сопоставляя две редакции и считая их разными правовыми актами, И. К. Очир-Гаряева отмечает, что «два правовых акта представляют в совокупности единый свод законов, единую программу. Если первое “Положение” в основных чертах закладывало правовую основу Калмыкии и подводило базу под политическое и общественное ее развитие, то второе “Положение” создавало дополнительные правовые нормы в этих же целях» [9, с. 7].

Местный орган управления был представлен улусным управлением [9, с. 7]. На этот орган были возложены и полицейские функции. В каждом калмыцком улусе создавался судебный орган — зарго, который, согласно законодательным нормам, заседал не реже чем раз в неделю. Порядок судопроизводства был подробно регламентирован Положением 1847 г. Крупные имущественные споры передавались для разрешения в вышестоящий судебный орган — Астраханскую палату уголовного и гражданского суда. Таким образом, улусные суды — зарго были в некоторой степени интегрированы в единую судебную систему Российской империи, что способствовало формированию единого пространства правоприменения. Характерно, что улусные суды должны были заниматься примирением сторон, они опирались на сложившиеся у калмыков обычаи, что соответствовало, например, практике волостных судов, существовавших у русского крестьянского населения центральных губерний.

Как и во многих других случаях, местное управление у калмыков было организовано с использованием прежних родовых институтов и привлечением калмыцкой знати. Аймаками управляли зайсанги, утверждаемые губернатором⁶. В итоге сохранение родовых традиций управления сочеталось с включением соответствующих институтов в единую вертикаль власти. Переход родовой знати в православие поощрялся материально, с помощью большой единовременной выплаты. Зайсанги, как и нойоны, приравнивались в правах к дворянству. Е. А. Команджаев и Ц. Ц. Колдаева позитивно оценивают сохранение ряда

⁴ Положение об управлении калмыцким народом. 24 ноября 1834 г. // ПСЗРИ. Собр. II. Т. IX. № 7560а.

⁵ Положение об управлении калмыцким народом. 23 апреля 1847 г. // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXII. № 21144.

⁶ Зайсанг — наследственный владетель улуса, представитель родовой знати.

традиционных узаконений у калмыков после их вхождения в состав России: «Войдя в состав России, калмыки привнесли в нее собственные традиционные институты власти, что в середине XVII в. способствовало быстрейшему становлению у них государственности, которая подчеркнула культурную обособленность калмыков, что, в свою очередь, являлось важнейшим элементом формирования и осознания национальной идентичности» [6, с. 35].

Еще одним регионом, где применялись сходные подходы к политике интеграции, стала Бурятия. Ее территория присоединялась к России постепенно, в период с середины XVII до первой трети XVIII в. После губернской реформы Екатерины II бурятские земли вошли в состав Иркутского наместничества⁷, при этом местная знать получила свободу в осуществлении суда и управления у бурятского народа, допускалось наследование должностей у иноверцев.

Преобразования сибирского управления, предпринятые по инициативе М. М. Сперанского, затронули и Бурятию, которая вошла в состав Иркутской губернии. Согласно Учреждениям для управления Сибирских губерний, на уровне инородческого управления были установлены три ступени организации власти: родовое управление, инородная управа, степные думы. Степная дума возглавляла несколько объединенных родов, а во главе родового управления стояли выборные старосты.

Основными задачами Степной думы, как установлено в Уставе 1822 г., являлись: «1) народоисчисление; 2) раскладка сборов; 3) правильный учет всех сумм и общественного имущества; 4) распространение земледелия и народной промышленности; 5) ходатайство у высшего начальства о пользах родовичей»⁸. В то же время, как показывают данные, проанализированные учеными, «важнейшим направлением деятельности Степной думы был сбор податей и повинностей деньгами, взыскание недоимок, составление отчетности перед вышестоящей администрацией» [5, с. 293].

В 1851 г. указом Сената в составе Иркутской губернии была учреждена Забайкальская область. «Своеобразие региона выразилось в создании упрощенной системы управления, в которую были включены военный губернатор, областное правление, инспектор по медицинской части, областной прокурор» [11, с. 7].

Важной задачей местного управления в Забайкалье, прежде всего Степных дум, как и в других районах Сибири, стало взимание налогов и податей. Участвовали Степные думы и в решении социальных проблем населения, собирая средства на благотворительность, занимаясь развитием первичной медицинской помощи.

Выстраивание сибирского управления по модели, заложенной М. М. Сперанским, по мнению ученых, позволяла «сочетать три важнейших составляющих российской государственности: а) унификацию управления народами Сибири; б) введение этнического самоуправления с нормами обычного права; в) сохранение

⁷ Указ «Об устройстве Иркутского наместничества» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXI. С. 875.

⁸ Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. № 29126. С. 401.

главенства имперского законодательства» [4, с. 22]. Все это объективно было направлено на укрепление государственного единства Российской империи.

В конце XIX – начале XX в. продолжалось совершенствование политики государства в сторону унификации системы управления на всей территории империи. Управление сибирскими народами сближалось с управлением крестьянством. Специализированные структуры инородческого управления постепенно ликвидировались [3, с. 312]. В результате были упразднены Степные думы в Енисейской и Иркутской губерниях. Вместо них создавались новые, более гибкие административные единицы — инородные управы, что позволяло постепенно выстраивать вертикаль власти.

Результаты исследования

Исследование особенностей правовой интеграции кочевых и оседлых народов восточной части Российской империи показывает высокую динамику этих процессов. Законодательство, устанавливавшее систему управления на таких территориях и статус проживавшего там населения, постоянно развивалось и совершенствовалось. Шел непрерывный поиск новых моделей управления, совершенствование правовых норм. Эти процессы характеризовались сочетанием традиционных институтов власти и права, сложившихся у данных народов, и выстраивания необходимой в российских условиях властной вертикали, способной обеспечить эффективное управление и пресечь возможные попытки сепаратизма. Такая политика способствовала успешному развитию вошедших в состав России народов, их приобщению к более развитой культуре, достижениям цивилизации и ее благам, а также была направлена на укрепление государственного единства.

Список источников

1. Андреева Н. Н. Особенности порядка управления калмыками в составе Российской империи (1825–1834 гг.) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 100–106.
2. Андреева Н. Н. Правовой статус восточных инородцев по законодательству Российской империи (1822–1905 гг.). М.: МГПУ, 2019. 180 с.
3. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX в.). Иркутск: Отгис, 2020. 739 с.
4. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в.: от степных дум к волостным правлениям // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 22–35.
5. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Из истории Тункинской Степной думы, органа местного самоуправления тункинских бурят (1824–1889 гг.) // Власть. 2024. Т. 32. № 6. С. 290–295.
6. Команджаев Е. А., Колдаева Ц. Ц. Калмыцкое ханство как государственное образование // Вестник Калмыцкого университета. 2024. № 4 (64). С. 34–40.

7. Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 523 с.
8. Манджикова Л. Б. Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 70–87.
9. Очир-Гаряева И. К. Правовой обзор традиционных систем управления // Право и государство: теория и практика. 2014. № 1 (109). С. 6–9.
10. Пашенцев Д. А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. 2021. № 12-5. С. 229–236.
11. Хлыстов Е. А. Бурятия в составе Российской империи: государственно-правовой аспект // Отечественная юриспруденция. 2018. № 5 (30). С. 5–10.

References

1. Andreyanova N. N. Osobennosti poryadka upravleniya kalmykami v sostave Rossiyskoy imperii (1825–1843 gg.) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011. № 2. S. 100–106.
2. Andreyanova N. N. Pravovoy status vostochnykh inorodtsev po zakonodatel'stvu Rossiyskoy imperii (1822–1905 gg.). M.: MGPU, 2019. 180 s.
3. Dameshek L. M., Zhalsanova B. S., Kuras L. V. Buryatskiy etnos v imperskoy sisteme vlasti (XIX – nachalo XX v.). Irkutsk: Ottisk, 2020. 739 s.
4. Dameshek L. M., Zhalsanova B. S., Kuras L. V. Mestnoe samoupravlenie buryat v XIX – nachale XX v.: ot stepnykh dum k volostnym pravleniyam // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2018. T. 23. S. 22–35.
5. Zhalsanova B. S., Kuras L. V. Iz istorii Tunkinskoy Stepnoy dumy, organa mestnogo samoupravleniya tunkinskiy buryat (1824–1889 gg.) // Vlast'. 2024. T. 32. № 6. S. 290–295.
6. Komandzhaev E. A., Koldaeva S. S. Kalmytskoe hanstvo kak gosudarstvennoe obrazovanie // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2024. № 4 (64). S. 34–40.
7. Maksimov K. N. Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII–XX vv.). M.: Nauka, 2002. 523 s.
8. Mandzhikova L. B. Arkhivnye dokumenty fonda I-2 «Komissiya kalmyckih del. 1825–1836 gg.» Natsional'nogo arhiva Respubliki Kalmykiya kak istochnik po izucheniyu istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy v dorevolyutsionnoy Kalmykii (nekotorye voprosy organizatsii deloproizvodstva) // Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo tsentra RAN. 2022. № 2. S. 70–87.
9. Ochir-Garyayeva I. K. Pravovoy obzor traditsionnykh sistem upravleniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2014. № 1 (109). S. 6–9.
10. Pashentsev D. A. Istoricheskiy opyt pravovogo regulirovaniya mezhnatsional'nykh otnosheniy v Rossiyskoy imperii // Voprosy istorii. 2021. № 12-5. S. 229–236.
11. Khlystov E. A. Buryatiya v sostave Rossiyskoy imperii: gosudarstvenno-pravovoy aspekt // Otechestvennaya yurisprudentsiya. 2018. № 5 (30). S. 5–10.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026;
одобрена после рецензирования: 15.02.2026;
принята к публикации: 05.03.2026.

The article was submitted: 15.01.2026;
approved after reviewing: 15.02.2026;
accepted for publication: 05.03.2026.